

МОСКОВСКИХ ЦЕРКВЕННЫХ ВЪДОМОСТЕЙ

ГОДЪ XII.

Еженедѣльное
изданіе.

іюня 12-го 1910 г.

№ 24.

Подписная цѣна: безъ достав-
ки на годъ 3 р. 50 к., на пол-
года 2 р., на три мѣсяца 1 р.,
на мѣсяць 40 к.

Съ доставкой и пересылкою
на годъ 5 р., на полгода 3 р.,
на 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣ-
сяць 1 р.

Отдѣльные №№ продаются въ
Редакціи Московскихъ Церков-
ныхъ Вѣдомостей.

Адресъ: Москва, Лиховъ пер.
Епархіальный домъ, редакція
„Моск. Церк. Вѣдомостей“

Редакція открыта отъ 11 до 1 ч. дня.

Въ среду и четвергъ, а также въ воскресные
и праздничные дни редакція закрыта.

Объявленія принимаются застро-
ку или мѣсто строки: за 1 разъ
30 к., за 2 раза 50 к., за 3 раза
70 коп., на годъ — по особому
условію.

По поводу думъ публициста въ Троицынъ день.

Праздникъ природы... Только что минувшій Троицынъ день былъ по преимуществу праздникомъ природы. Ранняя весна текущаго года съ рѣдкимъ напряженіемъ и постоянствомъ развертывала изъ нѣдръ земли ея силы. И мы видѣли въ Троицынъ день природу, дарившую насъ уже не только первыми цвѣтами, но и пышною растительностью во второмъ ея періодѣ, когда природа не только цвѣтеть, но и родить, въ завязяхъ плодовъ, въ выколосившейся ржи, надежду на урожай.

И этотъ-то праздникъ какъ то неволью напомнилъ намъ думы одного публициста ¹⁾. Думы эти не новыя и по времени и по содержанию. Они были помѣщены на страницахъ „Новаго Вре-

¹⁾ Меньшикова.

мени“ два года назадъ и содержаніе ихъ понятно не одному только публицисту. Тогда, два года назадъ, мы отмѣтили для себя эти думы. Но Троицынъ день того времени не былъ такимъ полнымъ торжествомъ природы, какимъ онъ былъ въ текущемъ году. А поэтому намъ хочется вспомнить въ извлеченіи именно теперь то, что было напечатано публицистомъ два года назадъ.

„Удивительно красивыя слова и мысли умѣла создавать древность. Мнѣ кажется, тогда были бѣднѣе и безпомощнѣе, чѣмъ мы, но въ какомъ-то отношеніи несравненно образованнѣе, тоньше насъ. Ихъ чуткому уху и неомраченному зрѣнію что-то такое слышалось и видѣлось въ природѣ, чего мы уже не слышимъ и не видимъ. Они, напримѣръ, провидѣли какія-то три начала, троякое основаніе вещей и явленій. Чтобы додуматься до философскихъ опредѣленій, надо было, чтобы люди сдѣлались благородными, чтобы въ теченіе долгихъ поколѣній они жили среди прелестной природы, которая налагала-бы на ихъ впечатлительный мозгъ отраженія своей красоты и силы. Мы, отупѣвшіе въ городахъ нашихъ, заставляемъ дѣтей искать мудрости въ пыльныхъ книгахъ, написанныхъ часто высохшими и запыленными умами. Далекіе предки наши учились иначе. Передъ ними всю жизнь, со дня рожденія до смертнаго часа, была раскрыта великая книга жизни, книга природы, и они получались каждый въ мѣру объема души, въ мѣру ея запросовъ. Только такимъ путемъ могла выработаться свѣжесть и яркость сознанія, о какихъ мы едва можемъ догадываться и мечтать...

Теперь вся Россія покроеся березками. Молодыя матери поведутъ нарядныхъ дѣтей въ украшенныя зеленью и цвѣтками церкви. Священники имѣютъ случай сказать въ этихъ храмахъ много трогательнаго, возвышающаго человѣческое сердце.—А что бы вы сказали на мѣстѣ сельскаго священника?—спросить меня читатель.—Что бы вы сказали въ теперешнихъ проклятыхъ условіяхъ деревни?

Я сказалъ бы, напримѣръ, слѣдующее. „Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Вы, христіане, пришли въ церковь потому, что сегодня церковь празднуетъ Имя Отца, Сына и Святого Духа. Вѣрите ли вы въ нихъ, или нѣтъ? Если нѣтъ, то вы пришли напрасно и уйдете отсюда съ тоской и скукой. Но если вѣрите, то подумайте, какое это счастье, что до сихъ поръ, какъ и вѣка

вѣковъ тому назадъ, существуетъ въ мірѣ Отецъ, постоянно творящій жизнь. Подумайте, какое счастье, что мы—дѣти Божіи и что силою Духа Божія мы имѣемъ душу, сознаніе, огонекъ котораго въ каждомъ, несмотря ни на что, теплится да теплится. При свѣтѣ этого огонька каждый человѣкъ видитъ и чувствуетъ столько красоты Божіей, столько отеческой милости! Вы шли въ церковь зеленѣющими полями, среди распустившихся лѣсовъ и перелѣсковъ, вы видѣли надъ собою голубое съ бѣлыми облаками небо, и золотое солнце такъ славно грѣло васъ черезъ свитки и рубахи. А душистый вѣтерокъ, который самъ приподнимаетъ грудь! Какого вы себѣ хотите еще рая? И что можетъ быть лучше этой чудной земли, рожденной Богомъ и до сихъ поръ обвѣянной дыханіемъ его любви? Позабудьте же хоть на минутку обо всемъ, что тревожитъ сердце. Откиньте всѣ заботы. Вѣдь, хорошо жить на свѣтѣ, и умирать не надо! Такъ благословите же это благословенное царство Отца нашего,—ваше царство,—какъ дѣтей Его, и Царство Духа... дающаго радость понимать все это и цѣнить. Вернитесь домой очищенные и омытые молитвой, внесите въ дома ваши, въ будничную жизнь, блаженное чувство, что вы не одни, что надъ вами бодрствуетъ родной вамъ Богъ и единственное что нужно—это быть достойными Ему дѣтьми. Аминь“.

Вотъ какую приблизительно проповѣдь я сказалъ бы прихожанамъ, будь я сельскимъ батюшкой. Предчувствую, что несомнѣнное достоинство этой проповѣди—краткость—не было бы кое-къмъ оцѣнено. Послѣ службы, когда я отправился бы домой, чтобы обѣдать въ саду, возможно, что меня нагнали бы нѣкоторые молодые „товарищи“ изъ духовныхъ чадъ.—Можно, батюшка, побесѣдовать съ вами на тему проповѣди?—спросилъ бы кто побойчее. Я обязанъ былъ бы ствѣтить согласіемъ, и вотъ подъ цвѣтущей яблонью, за столомъ, надъ которымъ вьются жадныя до варенья пчелы,—произошелъ бы, можетъ быть, такой разговоръ:

Разговоръ подъ яблонью.

— Вы вотъ, батюшка, все гнете въ ту сторону, что есть, молъ, Богъ на небѣ, и все-то Онъ устроилъ такъ прекрасно, что и желать лучшаго нельзя. Солнышко, видите ли, травка, птички небесныя, что ни сѣютъ, ни жнутъ... Погляди, молъ, грѣшная душа, и будь счастливой! Но, вѣдь, это, извините, все равно, что

пить чай въ приглядку. Оно все было бы чудесно, если бы у человѣка были одни глаза да уши, ну и носъ, что ли. Для нихъ пища Творецъ натворилъ достаточно. Къ огорченію нашему, Онъ сотворилъ еще и брюхо, которое кушать хочетъ. Что вы, отецъ такой-то, скажете о брюхѣ? Вѣдь его вѣтеркомъ душистымъ не напитаешь, а? Какъ вы полагаете? И солнце красное—отъ него тепло, словъ нѣтъ,—однако, червяка имъ не заморишь. Такъ какъ же быть? Какъ блаженствовать, ежели животы подводить? Вы вотъ говорили о зеленѣющихъ поляхъ, о распустившихся перелѣскахъ. Ну, а что если поля не зелѣняютъ, а чернѣютъ. Что ежели еще съ осени озими повымерзли, а яровая невыжгло хотя бы этимъ самымъ солнышкомъ, которое свидѣтельствуешь о славѣ Божіей? А что если иное поле и засѣяно не было, совсѣмъ пустыремъ стоитъ? Вы говорите: лѣса, лѣса. А гдѣ они, эти лѣса? У помѣщика, у жида. У насъ обойдите весь приходъ—лѣсины не сыщете, ни яблони, ни вишни, ни березы, ни рябины. У васъ тутъ хорошо въ палисадникѣ,—тѣнь и пчелки, и ботвинья на столѣ, и чай съ вареньемъ. А вонъ у меня мать—старуха пошла въ кусочки, насобираетъ ли сколько-нибудь къ вечеру—кто ее знаетъ. Не дадутъ Христа-ради (да и кому дать-то? Всѣ голыши),—ребята ревѣтъ будутъ, лягутъ голодные. Подумайте-ка объ этомъ, отецъ! Хорошія слова, вѣдь, звукъ пустой. Благословляйте царство вы, сытые, а намъ, голоднымъ, не до вдохновеній вашихъ, не до звуковъ сладкихъ.

Выслушавъ суровую рѣчь „товарища“ изъ духовныхъ чадъ, я отвѣтилъ бы ему что-нибудь въ такомъ родѣ:

— Ты, Иванъ Григорьичъ, упрекаешь меня, что я сытъ, что обѣдаю подъ цвѣтущей яблонью, что у меня на столѣ—ботвинья и варенье къ чаю. Но, по совѣсти, кто-жъ виноватъ, что у тебя нѣтъ такой же благодати дома? Чтобы имѣть ботвинью съ огурцами, я работаю отъ зари до зари, не покладая рукъ. Я самъ, собственными руками, насадилъ этотъ садъ, окопалъ деревья, привилъ ихъ, десятки разъ окуривалъ и окучивалъ, завертывалъ на зиму въ лубки, ухаживалъ и защищалъ отъ гусеницъ, отъ зайцевъ, отъ ребятешекъ. Я собственными руками вскопалъ огородъ, унавозилъ его, сажилъ и пересаживалъ, полоть, оберегалъ. Я собственными руками сдѣлалъ колоды для пчелъ, и это мои собственныя дѣтки летаютъ надъ столомъ и жужжатъ. Ключекъ земли церковной я пашу собственными руками, какъ и дьячокъ нашъ. За коровами ухаживаю самъ съ попадѣй, мои младшіе

ребятишки пасутъ ихъ сами. Ты знаешь мою жизнь, упреки меня! Съ прихода я беру только то, что даютъ, и дѣлюсь съ прихожанами подчасъ послѣднимъ. Идя въ священники, я шелъ на бѣдность. Я сытъ, потому что здоровъ, трудолюбивъ и трезвъ. Отчего бы тебѣ не быть такимъ? Попробуй поработать съ мое—будешь и ты сытъ. Ты вотъ шляешься по фабрикамъ, бросилъ батькинъ надѣлъ на старуху мать, и вотъ она, горбатая, черными изсохшими руками держать соху, въ то время какъ ты въ городѣ ищешь мѣста, расхаживая по трактирамъ. Что-то долго ты ищешь себѣ мѣста и все не находишь, а и найдешь—что-то мало толку изъ твоихъ мѣстовъ. Какъ ни весна, глядишь, опять ты въ деревнѣ, и опять старухѣ-матери приходится идти въ кусочки. А нечего бы шататься ни тебѣ, ни ей, если ты понялъ, что мѣсто у тебя уже давно есть, что родительскій клочъ земли—настоящее твое мѣсто. Самое законное, самое, въ концѣ концовъ, надежное мѣсто.

— Что съ него возьмешь, съ клочка-то?

— Да вотъ то же хотя бы, что я беру со своего клочка. Картофель, капусту, свеклу, огурцы, горохъ, гречиху, ячмень, мало ли что. Да еще яблоки имѣлъ бы, вишни, смородину...

— Ха-ха!..

— Чего-жъ ты смѣешься? На такихъ же клочкахъ, да еще гораздо поменьше, мужики за границей имѣютъ не только овощи да ягоды, а еще и цвѣты сажаютъ. Ухитряются какъ-то жить, что съ голоду не мрутъ. Мало земли—вкладываютъ труда побольше. Плоха земля—вкладываютъ еще труда, и глядишь—малое вытягиваетъ на большое.

— Труда побольше? Эхъ, батя,—точно нашъ мужикъ не трудится?

— А что-жъ, пожалуй что и не трудится. Трудъ не въ томъ, чтобы въ страдную пору навалиться на работу и въ полтора мѣсяца надорвать себя, а потомъ запьянствовать, да шляться безъ дѣла полгода. Настоящій трудъ—постоянный, ежедневный, ровный, безъ большой усталости и безъ отдыха. Только такой трудъ сохраняетъ силы и накапливаетъ его. Только такой трудъ обогащаетъ. А вашъ крестьянскій—пустое разбрасыванье силъ. Это мотовство и времени, и работы. Скажите, пожалуйста, почему нѣмецкій трудъ обогащаетъ нѣмцевъ, а русскій трудъ—разоряетъ Русскихъ?

— Ну, батя, шалишь,—нѣмцу не утягаться съ Русскимъ

въ работѣ. Посади нѣмца на нашу тюрьму, да заставь поломать спину лѣтомъ...

— Нечего и заставлятъ: нѣмецъ самъ ломаетъ себѣ спину лѣтомъ, да еще какъ. И ѣсть тоже не Богъ вѣсть что, а работаетъ втрое противъ русскаго. За все, за что бы ни взялся, сдѣлаетъ какъ слѣдуетъ и, сдѣлавъ одно, переходитъ къ другому.

— И не отдыхаетъ?

— Почти не отдыхаетъ. Такихъ праздниковъ, какъ у насъ, у нихъ и въ заводѣ нѣтъ.

— И въ такихъ же грязныхъ избахъ живутъ, какъ мы? И такъ же голодаютъ?

— Съ какой же стати имъ голодать? Съ какой стати жить грязно, если они могутъ чисто?

— Ага, значить, сыты. Накорми меня, посади въ чистую избу, и я буду работать за троихъ...

— Полно, будешь ли? Ты говоришь: „накорми меня, посади въ чистую избу“. Да нѣмца-то кто-нибудь накормиль, кто-нибудь сажаль въ чистую избу? Онъ самъ себя накормиль и посадиль въ опрятный уголь. Самъ себя и англичанинъ спасъ отъ нищеты, и французъ, и шведъ, и американецъ. Сколько ты ни говори: „накорми меня“, „посади въ чистую избу“—никогда, вѣдь, до скончанія вѣка этого не будетъ. Никто не придетъ тебя кормить и строить тебѣ хорошую избу...

— А правительство?

— Такъ откуда же оно денегъ возьметъ, чудакъ ты, чтобы накормить васъ всѣхъ? Вѣдь вы его кормите, а не оно васъ. Народъ даетъ правительству деньги на войска, на судъ, на школы, полицію. Если правительство на эти деньги будетъ кормить народъ, то не на что будетъ содержать ни армію, ни судей, ни чиновниковъ, ни учителей. Хорошіе пойдутъ порядки!

— Хуже теперешняго не будетъ...

— Да и лучше не будетъ.

— А почему же, батюшка, Богъ не помогаетъ, если народъ бѣденъ и ему ѣсть нечего?

Разговоръ въ полѣ.

Убѣдить человѣка ни въ чемъ нельзя. Чѣмъ сильнѣе вы бьете доводы противника, тѣмъ глубже вколачиваете ихъ, какъ гвозди. Нужно не бить, а вытягивать предразсудки—операція

нелегкая, требующая особеннаго инструмента. Тут нуженъ талантъ обольстителя, дѣйствующій не на умъ, а на волю.

Выйдя въ широкое поле, подъ осмѣянное товарищами небо, на просторъ съ синими далями, куда-то зовущими и что-то говорящими, я попробовалъ бы подѣйствовать на чувство слушателей.

— Знаешь, Иванъ Григорьевъ, сказалъ бы я радикальному парню: можетъ быть, Богъ и помогаетъ тебѣ, да ты самъ отталкиваешь помощь Божью.

— Это какъ такъ?

— Да очень просто. Ты здоровъ и силенъ. Развѣ это не помощь Божья? Не самъ же ты создалъ себя и вооружилъ. Развѣ эти руки, ноги—не помощь Божья? Развѣ глаза зрячіе, а не слѣпые, и языкъ, и мозги не совсѣмъ глупые—развѣ это не помощь Божья?

— Ну, а голодное брюхо?

— И брюхо—развѣ оно не помощь Божья? Развѣ голодное брюхо не заставляетъ тебя искать хлѣба и находить его? Развѣ голодное брюхо, какъ хозяинъ лошадь, не подстегиваетъ человѣка: иди, молъ, не останавливайся? И все, что ты вложилъ въ голодное брюхо,—Богъ не себѣ же беретъ, а отдаетъ тебѣ. Именно черезъ брюхо, безпокойное и голодное, Богъ содержитъ силу твоихъ рукъ и ногъ, твое зрѣніе и мысль, твою способность къ счастью. Ты требуешь, чтобы Богъ накормилъ тебя, не такъ ли?

— Ахъ да, вы попали въ точку.

— Такъ вѣдь Онъ тебя и кормить. Онъ только требуетъ, чтобы ты работалъ.

— Зачѣмъ же „работалъ“? Отчего же нельзя просто: раскрыть ротъ—и ѣшь?

— Можно конечно и такъ. Есть дѣти Божіи, которыхъ Богъ именно такъ и кормить. Это—растенія. Они пьютъ свѣтъ солнечный и воздухъ, пьютъ соки земли—вотъ и вся ихъ работа.

— Чудесно!

— Такъ спроси себя: хочешь ли ты быть растеніемъ. Вѣдь, если отказаться отъ труда, значитъ придется отказаться отъ трудовыхъ органовъ. Если ты лѣнтяй, зачѣмъ тебѣ руки, ноги, глаза, уши? Зачѣмъ твое сознаніе? Если ты не дорогъ самъ себѣ, каковъ ты есть, если ты охотно распрощаешься съ человѣческимъ тѣломъ, и человѣческою душою, то сдѣлай милость, умирай—и

Богъ переработаетъ тебя въ матеріаль для растеній. Скажи, хотѣлось бы тебѣ этого?

— Зачѣмъ хотѣть...

— А если не хочешь, если желаешь сохранить человѣческую машину свою, то заставляй ее работать. Не работая, она ржавѣетъ и портится. Отъ плохой работы—ломается. Богъ такъ и создалъ человѣка, чтобы работа его постоянно поддерживала, освѣжала, укрѣпляла, шлифовала. Видаль ли ты, чтобы люди отъ работы умирали? Умираютъ отъ пьянства, отъ бездѣлья, которое не даетъ хлѣба, отъ бродячей жизни. А настоящій работникъ живетъ себѣ да живетъ, до сотни лѣтъ доживаетъ. И дѣти у него сыты, и самъ сытъ. Ты не думаешь жениться?

— Ха-ха! Самому жрать нечего,—а еще бабу брать! Да и какая пойдетъ за меня?

— Да всякая пойдетъ,—корми ее... А чтожъ ты стоишь, скажи на милость, если ни себя, ни бабу кормить не можешь? Ты посмотри кругомъ: съ тѣхъ поръ какъ свѣтъ стоитъ, люди трудятся, и кто трудится, тотъ и ѣсть.

— Кто не трудится, ха-ха,—тотъ то же ѣсть, да еще какъ жирно!

— Но, вѣдь, это мерзавцы,—не такъ ли? Ты же не хочешь быть мерзавцемъ. Если дѣйствительно не хочешь быть дармоѣдомъ—тебѣ нѣтъ выхода, какъ трудиться. Отчего тебѣ не попробовать? Черезъ годъ, два три,—ну, черезъ пять лѣтъ представь себѣ: у тебя изба свѣтлая, вся въ зелени, въ цвѣтахъ. Огородъ нылаетъ макомъ и бобами, въ саду—яблоки, вишенъ—счету нѣтъ. На дворѣ—коровы, пара лошадей, свиньи, телята... А? Хорошо? А въ огородѣ гдѣ-нибудь, подъ яблоней, мелькаетъ зыбка и баба—ну, хоть бы Анютка Филатьева,—кормить твоего ребенка...

— Откуда вы знаете про Анютку?

— Кому-жъ знать, какъ не мнѣ, отцу-то духовному!

Финаль подобнаго разговора, мнѣ кажется, наименѣе богатый логикой, оказался бы дѣйствительнѣе теологическихъ и философскихъ софизмовъ. Праздный паренъ изъ „товарищей“, если бы показать ему хоть въ воображеніи дѣйствительную жизнь человѣческую, прекрасную и цвѣтушую,—могъ бы не понять, а почувствовать, что „благословенное царство Отца“—не фраза, что оно—реальность, всегда близкая,—что стоитъ лишь не отталкивать ведущую руку Божію—и ты въ этомъ царствѣ царь!!!“

О праздникахъ говорятъ передъ праздниками... О Троицыномъ днѣ естественнѣе было бы, какъ-будто, говорить передъ этимъ днемъ. Но намъ кажется, что приведенныя думы публициста только приурочены къ Троицыну дню. Троицынъ день далъ ему только наиболѣе выразительныя параллели. И Троицынъ день текущаго года, какъ мы сказали, могъ бы быть особенно богатъ такими параллелями...

Но въ думахъ публициста, ставящаго себя на мѣсто пастыря, есть одна сторона, которая заставляетъ говорить о нихъ и послѣ Троицына дня...

Недавно намъ пришлось быть въ одномъ подмосковномъ селѣ. Около храма дома духовенства. Вблизи нихъ дорога, ведущая черезъ паркъ къ станціи. Дорога бойкая. На ней много проѣзжихъ и пѣшеходовъ. Я иду по дорогѣ. Со мной встрѣчаются прохожіе. Я разговорился съ однимъ изъ нихъ. Онъ съ завистью смотритъ на уютныя домики духовенства и, указывая на нихъ, говорить: „вотъ у насъ духовенство-то какъ живетъ, что помѣщички“. Я отвѣчаю на замѣчаніе прохожаго и говорю о трудѣ духовенства, о томъ, что для него домъ—единственное мѣсто отдыха, что для духовенства нѣтъ ни развлеченій, ни трактировъ, ни чайныхъ. И что было бы вышею несправедливостью лишить его и теплаго угла. Мой собесѣдникъ косится на меня и развиваетъ свои мысли, которыя расходятся съ моими.

Кончилась моя бесѣда съ случайнымъ прохожимъ. Я остался одинъ. И мнѣ какъ-то невольно припомнилось то, что сказано въ приведенномъ мною отрывкѣ публицистомъ, тѣмъ болѣе, что я имѣлъ бесѣду съ прохожимъ именно наканунѣ Троицына дня.

Понятно, подумалъ я, публицистъ правъ въ своихъ думахъ. Пастырь можетъ разъяснить своему прихожанину о значеніи нужды, можетъ указать на свои труды...

Но, къ сожалѣнію, не всѣ „товарищи изъ духовныхъ чадъ“ повѣряютъ думы своимъ духовнымъ отцамъ и далеко не всѣ публицисты доброжелательны къ духовенству. Большинство изъ „товарищей“ носитъ вражду къ духовенству въ самихъ себѣ... И вражда ихъ упорная, постоянная. Она давно закралась въ сознаніе людей, которые умѣютъ только завидовать и осуждать другихъ и болѣе всего духовенство. Для этой вражды нѣтъ времени. Настроеніе „товарищей“, о которомъ говоритъ публицистъ, слышится—и это уже не первый годъ—и въ Троицынъ день и передъ нимъ, будетъ оно слышаться и послѣ него... И пастырю

всегда приходится незаслуженно нести крестъ невзгодъ, налагаемый на него извнѣ.

И если талантливые публицисты захотѣли бы дѣйствительно помочь духовенству, то они должны были бы давать ему не только программы того, что имъ нужно говорить въ томъ или другомъ случаѣ, но и обличать неправду въ отношеніи къ духовенству.

А за послѣдніе годы по адресу духовенства говорилось и доселѣ еще говорится очень много напраслины... Итакъ, имѣющіе вліяніе на общественное сознаніе должны просвѣтлить это сознаніе, тѣмъ болѣе, что оно часто затемняется по винѣ самихъ же публицистовъ.

Не долженъ, разумѣется, бездѣйствовать и пастырь при видѣ того, какъ подрывается довѣріе къ его дѣятельности. Отстаивая свое дѣло, свое пастырство, онъ, въ существѣ дѣла, защищаетъ отъ нападковъ церковь, представителемъ которой и является онъ. А поэтому бесполезно ему принять къ свѣдѣнію и думы публициста въ Троицынъ день...

Д. В.

Изъ записокъ высокопреосвященнаго Леониды, архіепископа Ярославскаго.

1866 годъ.

(Продолженіе. См. № 23.)

10 — понедѣл. Послѣ обѣдни ѣздилъ ко Владыкѣ.

Вчера лилъ дождь, сегодня нѣсколько градусовъ мороза: словно утренникъ въ мартѣ, такъ же черно на улицахъ, тотъ же воздухъ и солнце, хотя и тусклое. Владыка вышелъ въ долгую комнату — худой и пасмурный, но я радъ былъ, что достигъ того, что онъ улыбнулся своему же тонкому слову: что между двумя іереями-магистрами неудовольствіе изъ-за того, что одинъ думаетъ, что онъ очень хорошо знаетъ нѣкие церковное, а другой, что онъ знаетъ лучше. Владыка нашель, что обращеніе къ священникамъ можетъ быть бесполезно по дѣламъ благотворительности. Такъ какъ въ 6 уѣздахъ земство избрало тѣхъ лицъ духовныхъ въ члены училищныхъ совѣтовъ, которыя и Владыкою назначены, то Владыка переназначеніе дѣлалъ — самъ требовалъ книги клировыя и отыскивалъ имена. Дѣятельность его неизобразима. Умилительно смотрѣть на него. На лоскуточкѣ, очень аккуратномъ, записаны у него

дѣла къ исполненію, но такъ, что самъ онъ разобрать не можетъ. Поэтому я разобралъ, но не все; онъ далъ Данилову, тотъ разобралъ окончательно и, замѣтивъ, что это пріятно Владыкѣ, преданный ему секретарь выходилъ изъ комнаты, какъ я успѣлъ замѣтить, съ улыбкой и крестясь, конечно, тому, что Богъ даетъ сдѣлать угодное Владыкѣ — помочь ему. Былъ Е. С. Деккеръ, витебскій губернаторъ Веревкинъ, который сидѣлъ долго и наконецъ сказалъ, что онъ былъ бы счастливъ, если бы ему случилось служить тамъ, вмѣстѣ со мною. Я отвѣчалъ: „не знаю, что угодно будетъ Господу сотворить надо мною; но теперь я благодарю Бога за то, что Владыка принимаетъ мою усиленную службу и позволяетъ мнѣ при немъ оставаться“!

11—вторникъ. Владыка, вышедъ, сказалъ: „Отпустите меня въ отставку“. И описалъ день свой, такъ какъ ему сегодня не дали нисколько отдыха. Далъ читать письмо неизвѣстнаго въ 1863 г., гдѣ ему совѣтуется идти на покой. Потомъ сказалъ, видя, что мы улыбаемся: „Этимъ шутить нельзя, дѣла останавливаются; что я сдѣлалъ бы въ три дня, то, когда передаю дѣла вамъ, дѣлаются недѣлю и болѣе“. — Удостоверилъ, что молебень на изгнаніе французовъ писанъ имъ и прибавилъ, что онъ положилъ третью паремію изъ Апокалипсиса; но Амвросій исключилъ ее, сказавъ, что Апокалипсисъ для чтенія въ церкви не принять и не должно и вводить новостей. — „Иногда я писалъ, — сказалъ Владыка, — почти экспромтомъ“.

Въ 1812 г. Амвросій присылаетъ звать меня обѣдать къ двумъ часамъ, а я уже отобѣдалъ въ первомъ часу, однако пошелъ. Обѣдаемъ. М. говоритъ: „Непріятель вошелъ въ предѣлы Россіи. Свѣодъ опредѣлилъ написать воззваніе; напиши его“. — Къ какому времени? „Къ завтра, завтра назначено чрезвычайное собраніе“. — Предметъ особый и важный, когда я тутъ повернусь. „Напиши немного“. — Я написалъ, и это воззваніе потомъ помѣщено было въ Собраніи образцовыхъ сочиненій. Послѣ войны Императоръ Александръ принесъ въ даръ св. Сосуды. Князь Голицынъ говоритъ мнѣ, чтобы я написалъ проектъ рескрипта къ Митрополиту. Потомъ Митрополитъ, получа сосуды, говоритъ мнѣ: „при внесеніи сосудовъ во храмъ, мнѣ надобно сказать рѣчь, напиши мнѣ рѣчь“. Я написалъ рѣчь. Этотъ рассказъ былъ по тому поводу, что кн. В. А. Долгорукову, вопреки его желанія, консисторія опредѣляетъ отмежевать для причта въ селѣ его новую землю, вмѣсто застроенной и написано въ выра-

женіяхъ довольно грубыхъ. Ни эта резолюція, ни моя Владыкою не принята, а написана новая Владыкою. При этомъ Владыка сказалъ: „хотите, подпишите, хотите, отдайте въ консисторію, чтобы внесли въ протоколь княжеское мнѣніе“. Разумѣется, я подписалъ, а онъ надписалъ: „Согласенъ“.

12—среда. На почвѣ болѣзненности тѣла, какъ грибы подъ дождемъ, изъ ничего вырастаютъ душевныя смущенія, и я такъ смутился душою, что въ 9 часовъ послалъ сказать въ Университетъ, что служить не могу, хотя былъ почти приготовленъ по чину церкви. Ректоръ очень опечалился, но лучше опечалить цѣлую Москву, нежели оскорбить Св. Духа Божія. Сестру Татьяну В. послалъ я поздравить, а самъ, отслушавъ литургію и молебень о сестрѣ у себя, весь день пробылъ въ уединеніи, но болѣзнь и смѣшеніе духа не давали работать. Нынѣ Анна Ө. Тютчева вѣнчалась съ Ив. Аксаковымъ въ храмъ у барона Боде, ибо женихъ славянофилъ. Нашель, что этотъ храмъ *самый православный*.

14—пятница. А. Ө—ну хорошо отпустили: 10 т. на свадьбу, 2,500 р. пенсіи; какъ только пріѣхала въ Москву—подарки изъ П.-б., телеграфомъ вопросъ, какъ доѣхала, телеграммы во множествѣ и въ день свадьбы. Вѣнчаніе было такъ: въ церкви барона Боде поѣзжанъ человекъ 20, слушали литургію, потомъ вѣнчаніе, послѣ вѣнца, за завтракомъ, телеграммы отъ родителей и трехъ младшихъ дѣтей. „Украдкой отъ мужа выронила слезу“,—сказалъ мнѣ Н. В—чъ. Тутъ видѣлся съ гр. Блудовой... У Владыки сидѣли мы за докладомъ 5 часовъ. Взглянувъ на часы—было 10, Владыка сказалъ, улыбаясь: „это ни на что не похоже“, а лишь ушли, какъ онъ потребовалъ къ себѣ секретаря.

15—суббота. Долго читалъ записку (и писалъ письмо къ Блудовой) въ защиту училищъ для дѣвицъ духовнаго званія противъ статьи въ № 9 „М. В—стей“. Замкнутое сословіе съ особыми училищами я называю ковчегомъ во дни потопа, свѣтильникомъ въ фонарѣ при вѣтрѣ.

19—среда. Обѣдалъ съ Пр. Можайскимъ и арх—томъ. Можайскій признался, что вчера сказалъ Владыкѣ о моемъ затрудненіи въ денежномъ отношеніи. Владыка думаетъ, что я пользуюсь третьею частью всѣхъ доходовъ подворья, и говоритъ, что я могъ доходы подворья всѣ употреблять на себя, лишь бы оно не повалилось.

20—четвергъ. Владыка говорилъ: „діаконъ, занимая низшую степень, произноситъ лишь ектеніи—молитвы покаянія, и очищенія, и прошенія, іерей—высшую степень просвѣщенія имѣющей, уже произноситъ и славословія, возгласы“... Докладъ продолжался почти до 9. Пресвященный Можайскій уѣхалъ, и я сдалъ почти всѣ бумаги.

23—воскресенье. Пріѣзжалъ протоіерей, сынъ Пр. Комчатскаго: онъ нынѣ служитъ со Владыкою.—Нигдѣ столь не трудно миссіонерствовать, какъ въ предѣлахъ Россіи; нигдѣ трудъ не вознагражденъ столь мало, поощренъ столь дурно.

24—понед.—М. А—на Нейдгардтъ уже потеряла аппетитъ отъ свѣтской жизни: я сказалъ ей: „а васъ нечего жалѣть: вы сами себя губите своею суетою: вашъ мучитель—ваша свѣтская жизнь“.—Княгиня М. А. Мещерская говоритъ: о. Макарій Оптинскій совѣтовалъ ей мужу говѣть во всѣ посты; но тотъ не исполнилъ совѣта. Зедергольмъ укорялъ ее, говоря, что она обязана настаивать. Она пишетъ къ Макарію, запретилъ ей настаивать, а велѣлъ молиться и что же: мужъ сначала дозволилъ женѣ говѣть когда хочетъ, а теперь и самъ говѣетъ во всѣ четыре поста и самъ женѣ напоминаетъ. Н. В. Сушковъ былъ. Утромъ я писалъ отношеніе Владыки къ об.-прокурору о награжденіи секретаря его Н. В. Данилова орденомъ св. Анны 2-й ст. Поѣхалъ въ 6 часовъ къ Владыкѣ. Онъ принялъ и прочиталъ превосходное письмо къ Т. Б. Потемкиной, что благотворитъ миссіонерскому обществу она въ правѣ; а вице-предсѣдательствовать въ обществѣ ей неприлично. Гр. Блудова говорила о свиданіяхъ и снахъ оч. *примчательное*.

25—воскрес. Передъ ранней литургіей пѣлъ паннихиду по Пресвящ. Митропол. Григорію; этотъ епископъ XVIII вѣка, какъ о немъ говорятъ, былъ первый, кому открылъ я душу свою, возжелавшую житія иноческаго. Николай Николаевичъ Муравьевъ и Е. С. Деккеръ были въ одно время. Н. Н. когда хочетъ похвалить человѣка, говоритъ, между прочимъ: „онъ строгъ къ себѣ и къ другимъ“, а похулить: „онъ занимается собою слишкомъ много, вездѣ опаздываетъ, отнѣживается отъ дѣла“. Онъ говоритъ, что Паскевичъ былъ невѣжда, писалъ слова „находиться“—„находидца“ или что-то подобное, не употреблялъ въ разговорѣ глаголовъ (какъ шутилъ надъ нимъ Ермоловъ) и никогда не умѣлъ дать опредѣленнаго толковаго приказанія. Говорилъ Н. Н.—чѣ съ сочувствіемъ о Андрѣ Н., о пользѣ, имъ оказанной обществу, на-

зывать его добрымъ человѣкомъ и съ заботою говорилъ о ожидающемъ его въ старости. Я сказалъ: „за труды Андрея Н—ча на пользу церкви Богъ не оставитъ его“.

Докладъ 4½ час. продолжался. Дѣль въ послѣдніе два раза сдалъ я множество. Адрианопольскій паша, турокъ стараго заката, но не чуждый цивилизаціи, издавшій въ свѣтъ великол. описаніе старинной турецкой одежды съ рисунками, захворалъ, призвалъ священника, пригласилъ его надѣть ризы, положилъ на грудь крестъ и просилъ читать Евангеліе. Болѣе часа продолжалось чтеніе, которое турокъ слушалъ съ умиленіемъ. На другой день большой чувствовалъ себя такъ хорошо, что только по убѣжденію врачей остался дома.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Извѣстія и замѣтки.

Обращеніе въ редакцію члена Думы священника о. Н. Гелецкаго. „Позволяю себѣ обратиться къ Вамъ, (М. Г.), съ слѣдующимъ.

Газетныя сообщенія о положеніи въ Государственной Думѣ церковныхъ вопросовъ или далеко не достаточны, или, весьма часто, даже совершенно не вѣрны. Вопросы этого рода наша печать поднимаетъ лишь случайно—подъ вліяніемъ рѣчи того или иного оратора, произнесенной въ засѣданіи Государственной Думы. Нечего и говорить, конечно, что при такихъ условіяхъ члены православной церкви лишены возможности имѣть полное и цѣльное представленіе объ истинномъ характерѣ отношенія Государственной Думы къ церковнымъ вопросамъ. Между тѣмъ, болѣе чѣмъ необходимо, чтобы хотя пастыри церкви были бы въ полномъ курѣ всего этого дѣла и знали бы не только о фактическомъ положеніи церковныхъ вопросовъ въ Думѣ, но и могли бы уразумѣть всѣ возможные послѣдствія для православной церкви того направленія дѣль, которое въ достаточной степени же опредѣлилось и, повидимому, все болѣе и болѣе крѣпнеть.

И вотъ, съ цѣлю систематически знакомить нашихъ собратьевъ съ положеніемъ церковныхъ вопросовъ въ Государственной Думѣ, съ характеромъ отношенія къ нимъ со стороны вліятельныхъ политическихъ группъ, мы, нѣсколько думскихъ священниковъ, рѣшили выступить на страницахъ „Земщины“ съ „письмами о Думѣ“ и съ отдѣльными статьями на вышеуказанную тему.

Польза дѣла требуетъ того, чтобы, по возможности, всѣ священники читали наши сообщенія и тѣмъ самымъ проникались сознаниемъ особой серьезности текущаго момента, когда всѣ пастыри церкви, какъ одинъ человѣкъ, должны быть чрезвычайно чуткими къ вопросамъ церкви и вообще къ тому, что исходить отъ Думы“.

Въ заключеніе этого обращенія о. Генецкій просить „оповѣстить читателей, что тѣ изъ нихъ, которые пожелали бы знакомиться со статьями и письмами нашими сейчасъ же по ихъ напечатаніи,—тѣ благоволятъ выписать газету „Земщина“.

Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи
Членъ Государственной Думы священникъ

Николай Генецкій.

Къ вопросу о судьбѣ церковной школы. Недавно въ газ. „Земщина“ была напечатана содержательная замѣтка „Искусители“, касающаяся церковно-школьного вопроса. Вотъ она:

„Судить объ отношеніи представителей думскаго большинства къ Православной Церкви по тѣмъ рѣчамъ, которыя произносятся ими въ Думѣ, и докладамъ, которые составляются исключительно ими, нельзя и не слѣдуетъ.

Очень часто подъ личиною благорасположенія и вниманія къ дѣйствительнымъ нуждамъ Церкви, ея пастыри и духовенства скрывается затаенная и замаскированная цѣль нанести ей ударъ и поражение.

Желая всяческихъ благъ Церкви, руководящее большинство Государственной Думы, въ конечномъ результатѣ своей дѣятельности, подрываетъ основы Церкви.

Для иллюстраціи приведу слѣдующій примѣръ, подтверждающій вышензложенное. Предъ голосованіемъ въ комиссіи по народному образованію о *подчиненіи* церковно-приходскихъ школъ министерству народнаго просвѣщенія,—представители руководящаго большинства принимали все мѣры къ тому, чтобы склонить священниковъ и вообще сторонниковъ церковной школы на свою сторону, при этомъ сулили имъ всевозможнаго рода обѣщанія и подачки. Первымъ долгомъ произвели священниковъ въ „содержателей“ школъ, затѣмъ предоставили имъ право находить кандидатовъ въ учителя, обѣщали деньги на содержаніе учительскаго персонала, а нѣкоторые изъ нихъ даже оставляли для церковныхъ школъ наблюдателей подобно земскимъ „руководителямъ“, вводимымъ по новому проектированному положенію начальной школы, но безъ содержанія отъ казны. Наконецъ, думаютъ предоставить намъ три мѣста по выбору самого духовенства въ новомъ училищномъ совѣтѣ и даже право протеста на постановленія послѣдняго по дѣламъ, касающимся церковныхъ школъ.

Что же потребовали они отъ насъ за это? По ихъ мнѣнію, очень немногачего: подчинитесь министерству народнаго просвѣщенія (!?!). При этомъ съ умиленіемъ добавляли, что церковный характеръ школы можете оставить въ полной неприкосновенности. Держите, дескать, знамя свое церковное высоко, а намъ все-таки, однако, подчинитесь.

Такъ разсуждали ново-церковники по вопросу о подчиненіи церковной школы и пастырей Церкви свѣтской власти вопреки церковному праву нашему и церковной дисциплинѣ.

На первый взглядъ предложеніе „нашихъ новыхъ покровителей“, конечно, заманчиво и соблазнительно, но, если мы вникнемъ въ суть дѣла, то предъ нами раскрывается ужасная перспектива: подчиненіе пастыря Церкви—земскому собранію и училищному совѣту, въ который войдутъ и новѣрные, а гдѣ земства нѣтъ, инспектору и директору народныхъ училищъ въ дѣлѣ чисто и прямо церковномъ.

Но, къ счастью нашему, на золотую удочку гг. мнимыхъ радѣтелей Церкви большинство думскаго духовенства не пошло и осталось твердымъ въ своемъ рѣшеніи не отдавать церковной школы и всеми силами защищать ее отъ плѣвенія.

Какъ живо напоминаетъ мѣ въ поведеніе гг. замаскированныхъ экспроприаторовъ перковой школы—искушеніе Христа діаволомъ, такъ картинно изображенное Евангелистами. „И паки поять Его діаволь на гору високу зѣло и показалъ Ему вся царствія міра и славу ихъ. И глагола въ Ему: сія вся Тебѣ дамъ аще падъ, поклонишися“.

И услышалъ діаволь отвѣтъ Христа: „Господу Богу Твоему поклонишися и Тому Единому послужиши“.

Развѣ не то же самое предлагаютъ намъ гг. представители руководящаго большинства Государственной Думы въ дѣлѣ передачи нашего дорогого дѣтища—церковной школы — министерству народнаго просвѣщенія. „Все вамъ дадимъ, только подчинитесь намъ“.

А забыли ови, быть-можетъ, не знаютъ, или, скорѣе всего, не понимаютъ того, что мы по самой природѣ своей не можемъ и не имѣемъ права служить въ одно и то же время и Богу и мамонѣ.

По этому вопросу я надѣюсь побесѣдовать подробнѣе и постараюсь доказать всю несурзность основаній, приводимыхъ въ защиту мнѣнія передачи церковныхъ школъ въ свѣтское плѣвеніе, а пока, заканчивая настоящую замѣтку, отвѣчу господамъ-искусителямъ слѣдующее:

Церковная школа, которая является преддверіемъ храма, есть учрежденіе церковное и принадлежитъ только Церкви, а посему я, какъ священнослужитель во всей своей пастырской дѣятельности, а въ частности и школьной,—подчинялся и подчинюсь лишь только тому, кто является представителемъ Церкви и главнымъ руководителемъ ея жизни и дѣятельности во всей совокупности.

Служить одновременно двумъ господамъ мы не можемъ.

Членъ Госуд. Думы *свящ. Машкевичъ*.

Наши герои. Въ книгѣ „Десять лѣтъ изъ жизни русскаго моряка, погибшаго въ Цусимскомъ бою“ (Въ письмахъ къ отцу. Кіевъ. 1910) сообщаются слѣдующія любопытныя подробности о нашемъ русскомъ героѣ. „Дорогой папа! Я уже совсѣмъ привыкъ къ корпусу. Ученье у меня теперь поправляется; вотъ мои отмѣтки: Законъ Божій — 10, алгебра — 9, исторія — 9, французскій яз. — 10, англійскій яз. — 7,7. Съ поведеніемъ только я никакъ не могу справиться; до сихъ поръ все шло хорошо, а сегодня опять не утерпѣлъ... — такъ писалъ четырнадцатилѣтній мальчикъ Петя Вырубовъ, попавшій въ Морской корпусъ.

Прошло десять лѣтъ. Этотъ мальчикъ, который не могъ совладать съ своимъ „поведеніемъ“, сталъ лейтенантомъ на броненосцѣ „Князь Суворовъ“.

Въ Цусимскомъ бою „Суворовъ“, охваченный пожаромъ, безъ трубъ и мачтъ, со взорванными или разбитыми башнями и съ недѣйствующимъ рулемъ, вышелъ изъ боевой линіи.

Работая то одною, то другою машиною и медленно поворачиваясь на одномъ мѣстѣ, овъ продолжалъ стрѣлять изъ уцѣлѣвшихъ орудій, „какъ настоящій флагманскій корабль, такъ что наши воины отдавали честь его геройскому сопротивленію“, — такъ записано у японцевъ.

Къ 5 часамъ вечера изъ почти тысячнаго экипажа броненосца осталось не раненыхъ три офицера — Н. П. Богдановъ, П. А. Вырубовъ и В. В. фонъ-Курсель-Верверъ, и горсть матросовъ. Къ „Суворову“ подошелъ миноносецъ „Буйный“ и принялъ съ него тяжело раненаго адмирала Рождественскаго съ остатками штаба.

Броненосецъ не могъ двигаться. „Вмѣсто мачтъ, трубъ, мостиковъ и пе-

реходовъ надъ палубою его подымалась безформенная груда исковерканнаго желѣза; лѣвый бортъ низко склонился къ водѣ, а съ правой стороны обнажена была подводная часть; въ пробоинахъ бушевало пламя пожара“; но на предложеніе командира „Буйнаго“ Коломейцева Богдановъ, Вырубовъ и Курсель де-Вернеръ и матросы отказались сойти съ „Суворова“. „Буйный“ удалился, чтобы опозорить себя сдачею въ плѣнъ раненаго адмирала, а герои остались.

Что было съ ними далѣе—объ этомъ разсказываютъ уже японцы. „Въ сумеркахъ, въ то время, какъ наши крейсера гнали непріятеля къ сѣверу, они увидали „Суворова“, одиноко стоящаго вдали отъ мѣста боя, съ сильнымъ крепомъ, окутаннаго огнемъ и дымомъ. Бывшій при нашихъ крейсерахъ отрядъ миноносцевъ капитана лейтенанта Фудзимато тотчасъ же пошелъ утопить его“... и „этотъ корабль, весь обгорѣвшій, перенесшій столько нападеній, разстрѣливавшихся всей нашей эскадрой, имѣвшій только одну случайно уцѣлѣвшую пушку въ кормовой части, все же открылъ изъ нея огонь, выказывая рѣшимость защищаться до послѣдняго момента, пока держится еще на водѣ“...

„Суворовъ“ пошелъ ко дну въ 7 ч. вечера, только послѣ двухъ атакъ японскихъ миноносцевъ“.

Что же, они погибли? Нѣтъ. Правда, тѣла ихъ лежатъ на днѣ глубокаго океана, но алмазные вѣнцы блистаютъ на небѣ надъ этими, положившими жизнь свою за родину, воинами Христа, и неувядаемая слава обвиваетъ ихъ имена на вѣчную память и въ образъ доблести грядущимъ поколѣніямъ. Не лучше ли такая участь судьбы жалкихъ трусовъ, сдавшихъ врагамъ Андреевскій флагъ. Тяжелую потерю понесли родители этихъ героевъ, но развѣ они не вправѣ сказать съ благороднымъ достоинствомъ: мы не безслѣдно прошли жизнь, мы воспитали сыновей, ставшихъ честью и славной родной страны и долгъ нашъ предъ Богомъ и родиною исполненъ.

Откликъ на несправедливое рѣшеніе суда. Реймскій судъ приговорилъ кардинала Люсона, архіепископа реймскаго, къ уплатѣ 500 франковъ судебныхъ издержекъ по процессу, который велъ противъ него союзъ учителей и учительницъ, задавшійся цѣлью вытравить религіозность изъ сердца дѣтей, противъ чего и возставалъ епископъ Люсонъ.

Возмущенный этимъ приговоромъ одинъ фабрикантъ, въ видѣ протеста, прислалъ кардиналу Люсову тысячу франковъ, черезъ посредство газеты „Eclair“. При этомъ фабрикантъ написалъ:

„Двадцать лѣтъ, какъ я нахожусь въ постоянномъ и ежедневномъ общеніи съ рабочими моей фабрики и вижу, какъ анархія и безнравственность съ каждымъ годомъ усиливаются между ними. Особенное паденіе нравственности замѣчается между молодыми, которые проявляютъ даже склонность къ преступности. Происходитъ это, конечно, отъ воспитанія и отъ школьныхъ преподавателей, которые выгнали изъ школъ крестьянъ и иконы и вселяютъ въ народную массу ужасное безвѣріе“.

О сентѣ „подпольниковъ“. Въ одномъ изъ селъ Тверской губерніи подъ домомъ мѣстнаго богача-кулака провалилась земля.

Полюбопытствовавшіе заглянуть туда нашли обширное помѣщеніе.

Въ землѣ было сдѣлано нѣчто въ родѣ круглаго зала, стѣны котораго были обшиты полированными досками, покрытыми надписями изъ разныхъ духовныхъ сектантскихъ книгъ.

Нѣсколько иконъ древняго письма висѣло по угламъ, и стоялъ одинокій аналой.

Какъ оказалось, это подземелье, такъ случайно открытое, принадлежитъ недавно появившейся въ Корчевскомъ уѣздѣ, Тверской губ., новой сектѣ „подпольниковъ“, устроившихъ здѣсь свою модельню.

„Подпольники“ скрываются, молятся украдкой въ подпольяхъ, не признають брака и священства.

Дѣтей не крестятъ, воспитываютъ же ихъ сообща, на общія средства всѣхъ членовъ секты.

Какъ говорятъ, секта существуетъ уже давно, но, благодаря глубокой тайнѣ, которою окружають свою жизнь и обычаи „подпольники“, сдѣлалась извѣстной только благодаря случаю.

Секта очень богата и широко распространена по всей центральной Россіи, получая значительныя денежныя пособія изъ Москвы, Ярославля, Казани и Владиміра.

„Подпольники“ кочуютъ съ мѣста на мѣсто, изъ деревни въ деревню.

Въ настоящее время „подпольники“ разсѣялись по всей Тверской и Костромской губерніямъ.

Собираются они теперь по опредѣленнымъ днямъ, чаще всего по пятницамъ, въ лѣсахъ, гдѣ у нихъ имѣются приготовленныя молебныя, помѣщенныя глубоко подъ землей.

Сектанты, сходясь на „радвія“, не идутъ по одной дорогѣ, чтобы не дѣлать тропь, по которымъ можно бы было найти ихъ сборища; даже люди изъ одной деревни идутъ черезъ лѣсъ разными путями, пробираясь черезъ чащу и кусты по одиночкѣ и даже избѣгая рѣдко посѣщаемыхъ глухихъ дорогъ.

Въ лѣсахъ Ярославской, Тверской и Костромской губерній, по слухамъ, очень много подземелій, гдѣ совершаются радвія „подпольниковъ“, радвія, отличающіяся разъ въ мѣсяцъ крайней дикостью и распущенностью.

Какъ упорно утверждаютъ нѣкоторые освѣдомленные люди, распространеніемъ секты „подпольниковъ“ занимается какая-то московская богатая купчиха, тратящая на это огромныя суммы. („Колоколь“.)

Лѣтопись епархіальной жизни.

Празднованіе Троицына дня въ обители преп. Сергія. Обитель преп. Сергія съ особою торжественностью отпраздновала свой храмовой праздникъ. Наканувъ этого дня въ соборѣ, гдѣ почивають мощи преп. Сергія, преосвященнымъ Трифономъ, въ сослуженіи съ намѣстникомъ лавры о. Товіемъ и старшею братією, были отслужены вечера и всенощная. Въ самый день праздника, 6-го іюня, позднія литургіи были совершены въ соборѣ, въ трапезной и въ Духосошестввенской церкви. Въ соборѣ литургію совершалъ преосвященный Трифонъ, епископъ Дмитровскій, въ сослуженіи о. намѣстника лавры, о. епископа и братія монастыря, при архидіаконѣ Пантелеимонѣ. Въ трапезной церкви литургія была совершена преосвященнымъ Теодоромъ, епископомъ Волоколамскимъ, ректоромъ академіи въ сослуженіи ректора Введенской семинаріи архимандрита Филиппа, инспектора іеромонаха Германа и братія обители. Въ Духосошестввенской церкви литургію совершилъ о. казначей лавры архимандритъ Досной, іеромонахъ

Димитріанъ и братія обители. По окончаніи литургіи почетнымъ гостямъ въ покоехъ Владыки-митрополита была предложена трапеза.

День сошествія св. Духа. Въ день сошествія св. Духа преосвященнымъ Трифономъ, въ сослуженіи о. намѣстника лавры Троицкой, литургія была совершена въ Параклитѣ, въ 5-ти верстахъ отъ обители преп. Сергія.

Въ этотъ же день Спасо-Виданскій монастырь праздновалъ свой храмовой праздникъ. Литургія была совершена здѣсь о. казначеемъ Спасо-Виданскаго монастыря соборнымъ іеромонахомъ Серафимомъ.

Кончина священника В. А. Маврицкаго. 4-го іюня послѣ продолжительной болѣзни скончался священникъ церкви св. Іоанна Предтечи, что на Земляномъ валу, Василій Абрамовичъ Маврицкій, 62 лѣтъ отъ роду.

Покойный, уроженецъ Владимірской епархіи, получилъ высшее богословское образованіе въ Кіевской Духовной Академіи. По окончаніи курса, онъ поступилъ преподавателемъ въ Воронежскую духовную семинарію, гдѣ прослужилъ нѣсколько лѣтъ. Въ 1901 году покойный принялъ санъ священника и опредѣленъ къ Воскресенской, что въ Барашахъ, церкви; отсюда въ 1903 году отецъ Маврицкій былъ перемѣщенъ къ храму св. Іоанна Предтечи, что на Земляномъ валу.

Священникъ В. А. Маврицкій былъ выдающимся проповѣдникомъ. Имъ издавался „Пастырскій Собѣдникъ“, съ приложеніями: „Свѣтель и Вразумитель“ (сборники проповѣдей для простаго народа на круглый годъ).

5-го іюня у гроба почившаго была совершена панихида преосвященнымъ Василюемъ, епископомъ Можайскимъ, а 7-го совершено отпѣваніе въ церкви Іоанна Предтечи.

Газетная ложь. Недавно преосвященный Трифонъ обратился къ редактору „Московскихъ Вѣдомостей“ со слѣдующимъ письмомъ:

„Благодаря вообще множеству зачатій по епархіи, а особенно теперь, когда мнѣ приходится временно, за отъѣздомъ владыки-митрополита, управлять московскою митрополіей,—у меня положительно нѣтъ времени читать газеты, въ которыхъ, къ несчастью, сообщаются часто факты, далеко не соответствующіе истинѣ. Такъ, недавно одинъ изъ моихъ прихожанъ принесъ мнѣ 157 № газеты „Утро Россіи“, о существованіи которой я доселѣ не зналъ, и со скорбію и недоумѣніемъ спрашивалъ, правда ли все то, что написано въ заголовкѣ: „Среди трезвенниковъ“. Вотъ, между прочимъ, что было сказано въ этой заголовкѣ: „Братецъ Іоаннъ (Колосковъ) вчера былъ у всенощной въ Богоявленскомъ монастырѣ, и епископъ Трифонъ привалъ его весьма милостиво, благословилъ и помазалъ елеемъ“. Очень возможно, что среди множества богомольцевъ, посѣщающихъ нашъ храмъ, находился за всенощной и упомянутый Іоаннъ Колосковъ, возможно и то, что онъ подходилъ ко мнѣ подъ благословеніе и былъ помазанъ мною елеемъ. Большой храмъ нашъ, во имя Казанской Божіей Матери, темень, народу, особенно въ праздничные дни, бываетъ у насъ много, такъ что, при моей близорукости, я часто не узнаю лично и хорошо знакомыхъ мнѣ прихожанъ-богомольцевъ, подходящихъ подъ благословеніе. Что же касается до Іоанна Колоскова, то я его не только не принималъ „весьма милостиво“, какъ сообщаетъ газета, но даже никогда его не видалъ, хотя долженъ сказать, что у Колоскова была попытка, какъ мнѣ докладывали, добиться аудіенціи со мною. Придавать особенное значеніе обманнымъ образомъ полученному архіерейскому благословенію, исказить факты и давать имъ произвольное освѣщеніе—я

считаю дѣломъ крайне недобросовѣстнымъ. Какъ пастырь Церкви, я усердно молюсь о заблудшихъ „братцахъ“ и ихъ несчастныхъ послѣдователяхъ, да возвратитъ ихъ Господь въ лоно Православной Церкви,—но я рѣшительно и твердо свидѣтельствую, что не буду имѣть съ ними никакого общенія, какъ съ отлученными Православною Божіею Церквюю, упорствующими сектантами-хлыстами—до ихъ полного искреняго и чистосердечнаго раскаянія.

Ради возстановленія истины и разсѣянія сомнѣній вѣрныхъ чадъ Святой Православной Церкви прошу васъ напечатать это письмо“.

Это письмо достаточно ясно показываетъ, какъ безцеремонна наша печать въ сообщеніи небывалыхъ фактовъ. И особенно она любитъ сочинить эги небывальщины, когда дѣло идетъ о духовенствѣ Православной церкви, тогда какъ сектанство она беретъ всегда подъ свое особое покровительство.

Содержаніе: По поводу думъ публициста въ Троицынъ день.— Изъ записокъ высокопреосвященнаго Леонида, архіепископа Ярославскаго. (Продолженіе).—Извѣстія и замѣтки.—Лѣтопись епархіальной жизни.—Объявленія.

При семъ № прилагается „Московский Благовѣстъ“ № 24. Цѣна листовъ безъ пересылки 70 коп. за 100, съ пересылкой 90 коп. При пересылкѣ на 6 руб. пересылка бесплатно.

Цензоръ
Протоіерей Н. Извѣковъ.

Исп. об. редактора
Протоіерей Іоаннъ Восторговъ.

О б ъ я в л е н і я.

РАЗСЫЛАЕТСЯ

май—іюньская книга журнала „ЧТЕНІЯ
въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія“.

СОДЕРЖАНІЕ: О Вибліи. Свящ. Н. А. Преображенскаго.—Въ исканіяхъ абсолютнаго Бога. Н. Арсеньева.—Духовныя бесѣды аббата Жибье, пер. кн. С. А. Голицыной.—Хроника: О желательности открытій пастырскій отдѣлъ при О. Д. Д. Пр. свящ. Н.—Ложное пониманіе женской свободы. свящ. Колосова.—Рефератъ преп. дух. семинаріи Н. А. Кедрова.—Приложеніе: Каталогъ Моск. Епарх. Библиотеки.—Матеріалы для исторіи Русской церкви: письма еп. Неофита.

Духовныя лица и ихъ семейства пользуются на льготныхъ условіяхъ въ зубоврачебныхъ кабинетахъ

Мих. Матв. БРАТЕНШИ.

Всѣ зубныя операціи **безъ боли**, искусств. зубы обыкновенныя и мостовидныя.

Кузнецкій Мостъ, Кузнецкій пер. Тел. 79—45. 10—6.

ОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ

Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей

12 іюня.

№ 24.

1910 года.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.

Указомъ Святѣйшаго Синода на имя управляющаго Московскою епархіею преосвященнаго Трифона, епископа Дмитровскаго, отъ 28 мая 1910 г., за № 7367, настоятель Московскаго Срѣтенскаго монастыря архимандритъ *Аванасій* назначенъ сверхштатнымъ членомъ Московской духовной консисторіи, по 2-й ея экспедиціи.

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

Опредѣлены:

1) На вакансію псаломщика къ церкви с. Алексѣевского, Звен. у., заштатный діаконъ Стефанъ *Темперанскій*, 29 мая.

2) На вакансію діакона къ Московской Трехсвятительской, у Красныхъ воротъ, церкви псаломщикъ Московской Николаевской, что въ Покровскомъ, церкви Сергѣй *Добровъ*, 31 мая.

3) На вакансію діакона къ Московской Никитской, что на Басманной ул., церкви псаломщикъ Московской Георгіевской, что въ Грузинахъ, церкви Михаилъ *Холмогоровъ*, 31 мая.

4) На вакансію діакона къ церкви с. Темни, Серп. у., псаломщикъ той же церкви Александръ *Мошковъ*, 30 мая.

5) Временно и. д. псаломщика церкви с. Ильинскаго, Бронницкаго уѣз., окончившій курсъ иконописнаго училища, Алексѣй *Соколовъ*, 31 мая.

6) На вакансію псаломщика къ Московской Іоакиманской, на Якиманкѣ, церкви учитель Говоровской церковно-приходской школы, Моск. у., Алексѣй *Казанскій*, 31 мая.

Перемѣщены:

1) И. д. псаломщика с. Благовѣщенскаго, Дмитр. у., Николай *Покровскій*, исправляющимъ должность псаломщика къ церкви с. Синькова, того же уѣзда, 29 мая.

2) На вакансію псаломщика къ церкви с. Александровскаго, Волок. у., псаломщикъ церкви с. Языкова, Дмитр. уѣз., Василій *Бухаревъ*, 2 іюня.

3) На вакансію псаломщика къ Московской Георгіевской, въ Грузинахъ, церкви псаломщикъ Московской Іоакиманской, на Якиманкѣ, церкви Александръ *Никологорскій*, 31 мая.

4) На вакансію псаломщика къ церкви с. Языкова, Дмитр. у., псаломщикъ с. Александровскаго, Волок. уѣз., Павелъ *Голубевъ*, 2 іюня.

Отчислень отъ мѣста:

Вр. и. д. псаломщика церкви с. Ильинскаго, Бронницкаго у.,
Сергѣй *Заринъ*, 31 мая.

Алфавитный переводный списокъ воспитанницъ Мос- ковскаго Филаретовскаго Епархіального женскаго училища за 1909—10 учебный годъ.

1 классъ 1 отдѣленіе. Переводятся во 2-й классъ:

Архангельская Зинаида, Бриллиантова Зоя, Вознесенская Лидія, Вознесенская Марія, Воронцова Александра, Кедрова Ольга, Лебедева Антонина, Лебедева Зинаида, Лебедева Марія, Лихарева Надежда, Любимова Марія, Морозова Марія, Мошкова Зинаида, Мясоѣдова Александра, Недумова Елизавета, Некрасова Александра, Орлова Надежда, Орлова Ольга, Подобѣдова Юлія, Полтева Надежда, Полтева Ольга, Попова Александра, Порѣцкая Валентина, Раевская Елизавета, Рождественская Лидія, Розанова Клавдія, Сахарова Екатерина, Смирнова Вѣра, Смирнова Марія, Соколова Анастасія, Тропаревская Раиса, Успенская Елизавета, Успенская Клавдія, Успенская Нина, Финикова Екатерина, Хавская Александра, Честнова Серафима.

Для перехода во 2-й классъ должны сдать пере-
экзаменовки:

Ильинская Александра по русскому языку устно и письмен-
но, Калугина Александра по русскому языку устно и письмен-
но, Покровская Александра по русскому языку устно и письмен-
но, Смирнова Александра по ариметикѣ, Смирнова Людмила по рус-
скому языку устно и письмен-но и ариметикѣ. Остается на по-
вторительный курсъ: Березкина по болѣзни согласно прошенію.

1 классъ 2 отдѣленіе. Переводятся во 2-й классъ:

Архангельская Пелагія, Аѳонская Нина, Бухарева Алек-
сандра, Бѣляева Екатерина, Виноградова Антонина, Глѣбова
Софія, Городецкая Софія, Заозерская Зиновія, Знаменская Елена,
Знаменская Екатерина, Кедрова Елена, Кедрова Ольга, Куп-
ленская Ольга, Ласкина Валентина, Лебедева Анна, Лебедева
Татіана, Малиновская Александра, Маркова Марія, Минервина
Елена, Мирославская Глафира, Нечаева Марія, Никольская Клав-
дія, Орлова Антонина, Орлова Марія, Рождественская Александра,
Семеновская Елизавета, Сквиорцова Евгенія, Смирнова Надежда,
Соболева Елизавета, Соколова Анна, Соколова Любовь, Соколова
Ольга, Сперанская Антонина, Уварова Вѣра, Успенская Татіана,
Цвѣткова Александра, Цвѣткова Марія, Шереметьева Надежда.

Для перехода во 2-й классъ должны сдать пере-
экзаменовки:

Виноградова Елизавета по русскому языку устно и пись-
менно, Добросердова Елизавета по русскому языку устно и пись-

менно, Знаменская Екатерина по русскому языку устно и письмененно, Любимова Фелицата по русскому языку устно и письмененно и ариѳметикѣ, Попова Александра по русскому языку устно и письмененно и французскому языку, Рождественская Наталія по русскому языку устно и письмененно. Оставляется на повторительный курсъ: Долгорукова Вѣра по малоуспѣшности.

2-й классъ 1-е отдѣленіе. Переводятся въ 3-й классъ:

Вележева Марія, Владыченская Марія, Голубева Екатерина, Долгорукова Клавдія, Долгорукова Юлія, Зернова Евдокія, Знаменская Лидія, Косинская Клавдія, Меліоранская Елизавета, Милославина Екатерина, Орлова Ирина, Орлова Ольга, Протодіаконова Ольга, Розанова Елена, Семеновская Александра, Смирнова Варвара, Смирнова Глафира, Смирнова Екатерина, Соколова Татіана, Сперанская Евдокія, Сперанская Марія, Станиславлева Олимпіада, Стрѣльцова Александра, Стрѣльцова Лидія, Третьякова Надежда, Третьякова Юлія, Троицкая Надежда, Успенская Марія.

Для перехода въ 3-й классъ должны сдать переэкзаменовки:

Розанова Евгенія по ариѳметикѣ, Виноградова Лидія по гражданской исторіи, Атопова Агриппина по французскому языку, Суворова Антонина по нѣмецкому языку, Боголѣпова Глафира по русскому языку письмененно, Богданова Евгенія по русскому языку устно и письмененно, ариѳметикѣ и французскому языку, Юрасова Надежда по ариѳметикѣ, Горская Марія по французскому и нѣмецкому языкамъ, Куньева Варвара по французскому и нѣмецкому языкамъ, Соколова Елизавета по русскому языку письмененно и ариѳметикѣ, Маслова Зинаида по русскому языку письмененно, Шувалова Анна по русскому языку письмененно.

Оставляются на повторительный курсъ: по малоуспѣшности: Цвѣткова Елена, Невская Нина, Нечаева Марія—по болѣзни, согласно прошенію.

2-й классъ 2-е отдѣленіе. Переводятся въ 3-й классъ:

Бѣляева Александра, Виноградова Римма, Воронцова Валентина, Горская Лидія, Доброва Ираида, Зарина Анфиса, Ильинская Таисія, Лебедева Анна, Лебедева Антонина, Лебедева Ольга, Львова Александра, Малинина Надежда, Мизерова Марія, Нехотѣнова Евгенія, Николаева Екатерина, Орлова Анна, Петропавловская Ольга, Пономарева Вѣра, Пятикрестовская Вѣра, Розанова Марія, Скворцова Клавдія, Соколова Анна, Соколова Нина, Соловьева Юлія, Страхова Марія, Тархова Елизавета, Шлеева Анна.

Для перехода въ 3-й классъ должны сдать пере-
экзаменовки:

Воскресенская Елена по русскому языку устно и письменно и нѣмецкому языку, Евергетидова Елизавета по русскому языку устно и письменно и французскому языку, Лаврова Марія по русскому языку устно и письменно, Лебедева Валентина по русскому языку устно и письменно, Нечаева Наталія по русскому языку устно и письменно, Орлова Софія по русскому языку устно и письменно, Пировская Марія по русскому языку устно и письменно, Розанова Серафима по русскому языку устно и письменно, Скворцова Нина по русскому языку устно и письменно, Скворцова Ольга по русскому языку устно и письменно, Смирнова Глафира по русскому языку устно и письменно и французскому языку, Смирнова Евдокія по русскому языку устно и письменно, Холина Екатерина по русскому языку устно и письменно, Голубева Марія по русскому языку устно и письменно и нѣмецкому языку.

Савостина Клавдія уволена за неявкой.

2-й классъ 3-е отдѣленіе. Переводятся въ 3-й
классъ.

Архангельская Александра, Боголѣпова Зоя, Боголѣпова Марія 1-я, Бѣляева Варвара, Виноградова Екатерина, Виноградова Серафима, Воскресенская Вѣра, Замыслова Фавста, Куньева Елена, Крутицкая Клавдія, Купленская Маргарита, Любимова Анна 1-я, Любимова Анна 2-я, Любимова Надежда, Любимова Серафима, Манервина Татіана, Невская Агнія, Невская Надежда, Нежданова Евдокія, Некрасова Марія, Орлова Маргарита, Орлова Олимпіада, Полтева Елена, Преображенская Софія, Рождественская Августа, Рождественская Агнія, Смирнова Ольга, Соколова Анна, Сокова Пелагея, Соловьева Зоя, Терновская Ольга, Тихомирова Елена, Уклонская Вѣра, Успенская Вѣра, Успенская Ольга, Хрусталева Марія.

Для перехода въ 3-й классъ должны сдать пере-
экзаменовки:

Боголѣпова Марія 2-я по русскому языку письменно и географія, Волкова Надежда по русскому языку письменно, Карпова Ольга по русскому языку письменно, Никольская Екатерина по русскому языку письменно, Павлова Елена по русскому языку устно и письменно, Розанова Анна по русскому языку устно и ариѳметикѣ, Соловьева Елизавета по русскому языку устно и письменно и ариѳметикѣ, Соловьева Ольга по русскому языку письменно.

Инспекторъ классовъ, священникъ

Н. Сахарова.

Цензоръ
Протоіерей Н. Извѣковъ.

Редакторъ Секретарь Консistoriи
П. Беллавинъ.